

Возлюбленные дети Муратовой

Арт-режиссер, 1994, №5 - С.2
 Еще в школьной самодеятельности Кира МУРАТОВА не любила выходить на сцену и играть сама. Но зато больше всего на свете нравилось ей стоять за кулисами и дергать, как она говорит, за веревочки. Это специфическое, тайное удовольствие и решило все. Киру удивляет, когда высокопоставленные критики начинают слишком серьезно, замысловато разбирать ее фильмы. Все искусство - это игра, считает она. Игра взрослых людей. Играют те, кто снимает, и те, кто смотрит, включаются в игру. Или не включаются. Но независимо ни от чего фильм живет по своим законам, как отдельная планета - вступая на нее, съемочная группа, актеры, мы с вами начинаем играть по ее законам. А Кира МУРАТОВА дергает за веревочки...

- Для меня главным всегда было - захотеть что-то снять. Я могу читать книги, сценарии, они могут мне нравиться как читателю или зрителю. Но у меня не возникает желания ничего с этим сделать. Как смотрит человек на женщин - эта симпатичная, а эта просто красавица, но в какую-то секунду он почему-то влюбляется. Мне очень мешала всегда эта черта. Раньше выдавали, конечно, те, кто предлагал десять проектов на выбор - хотя бы один из них проходил. А я всегда носилась с одним, заламывая руки, ждала по нескольку лет...

- И до сих пор вы упорно продолжаете воплощать свои старые сценарии.

- Да. Хотя некоторые, конечно, перегорают. Например, "Княжну Мери" по Лермонтову я, судя по всему, уже не сниму. Был готовый уже сценарий про художницу "Внимательно смотрите сны". Почему нет? Потому что, наверное, это сценарии, которые я особенно сильно тогда хотела снять. Мне не давали. Приходилось постоянно себя уговаривать, что можно без них обойтись. И так, видно, себя загипнотизировала, что уже и душа не лежит.

- А теперь не приходится наступать себе в каких-то случаях на горло?

- Но это просто несравнимо! Раньше меня дисквалифицировали. Мне говорили: "Пшла вон, дура, идиотка!" И вдруг - как меняется время на час - все перевернулось. Мне стали говорить: "Да ты гений! Снимай, что хочешь!" Я могла принести чистый лист бумаги и сказать: "Это - сценарий!" И меня бы запустили. Это было очень странное ощущение. Потом стали возникать, конечно, денежные трудности, но, по-моему, они все-таки натуральнее, нормальнее, чем цензура и весь этот абсурд. Кто-то может не согласиться со мной, но, значит, просто - тем людям не было тогда так плохо, как было мне.

- И все-таки "роман" с новым фильмом - с чего он начинается?

- Всегда это бывает случайно. Я вдруг натыкаюсь на что-то, что встречает у меня отклик. Это может быть книжка, просто какой-то случай - какое-то зернышко, которое западает в душу и начинает расти. Сюжет никогда не выстраивается у меня в голове целиком. Сценаристы часто спрашивают: "Про что вам написать?" А я заранее никогда не знаю. Сначала меня должна увлечь среда, в которой будет происходить действие. Так в фильме "Познавая белый свет" меня интересовала фактура стройки, на этот раз, в "Увлеченных" - лошади. Потом сценарий начинает переделываться, он обогащается словесно, в нем появляются новые персонажи. Кино же - живое искусство. Ты все время сталкиваешься с людьми, с погодой, с натурой, которую снимаешь.

- А рождаются фильмы мучительно?

- Нет. Я не терзающийся режиссер. Комплекс полноценности у меня очень развит. Я восхищаюсь тем, что у меня получается. Это моменты наивысшего удовлетворения жизнью.

- Во время съемок вы живете только фильмом?

- Да. И все, что меня отвлекает, - даже семейные какие-то вещи - я ненавижу! Я не могу параллельно ничем заниматься. Если я не сосредоточена до безумия, у меня просто ничего не получится. Я даже во сне продолжаю думать. И многое, правда, приходит ко мне в состоянии между явью и сном. В общем процесс непрерывный. Я, как, помните, Чарли Чаплин в "Новых временах", когда он закручивает винтики, потом отходит и все продолжает крутить...

- Трудно бывает расставаться с готовым фильмом?

- Трудно, как с маленьким ребенком. Хочется еще раз посмотреть, еще. Многие копии у меня просто нет - так что не всегда это удается. Но даже если не имеешь физической возможности, все равно чувствуешь: что-то давно его не видела. Как когда с человеком расстаешься...

- С течением времени вы становитесь критичнее?

- Нет. Тут недавно украинское телевидение сделало мне подарок - устроило ретроспективу моих фильмов. Я с удовольствием смотрела. Есть режиссеры, которые все время мучаются, - мол, сейчас они бы сняли это лучше. А во мне этого самоистязания нет. Обычно я чувствую, что все, что могла, я сделала. Это та степень совершенства, которую я не только могу воплотить, но и вообще постичь.

- А что в картине для вас труднее всего?

- Озвучивание. Всегда я думаю: Боже, что ж мы так много болтали. И знаете, я хотела бы как-нибудь снять немой фильм.

- Ваши герои всегда так необычно говорят.

- Это меня всегда интересовало. Я же училась на филфаке. Пока не ушла и не попала к Герасимову. И уже он привил мне это чувство слова, интонации, того, как по-разному "звучат" разные типы людей.

- Вы часто работаете с непрофессионалами, но даже в их речи нет-нет да и проскользнет ваша интонация.

- Игра затягивает. Но я никогда не пытаюсь что-нибудь навязать. Не хочу никого ровнять под себя. Режиссура для меня не власть - а скорее, момент игры. Я не говорю актеру, что он должен делать. И больше всего люблю, когда кто-нибудь придумывает что-то сам. Поэтому я так люблю непрофессионалов. Профессиональные актеры - предсказуемы. Они могут нравиться в чужом фильме, но в своем быстро надоедают. А хочется сюрпризов.

- Когда фильм готов, вы переживаете: поймут ли, оценят?

- Шокирует только агрессивное непонимание. Если я не понял, значит, ты виноват! Это осталось у нас от прежних времен. А так зрители всегда делятся на небольшую группу восторженных и большую часть не приемлющих. И это нормально. Мое кино - не массовое. И я очень благодарна, если мне еще дают деньги, дают возможность что-то снять.

- Говоря с вами о градациях кино, нельзя пройти мимо "женского".

- Ну, о себе я судить не берусь. Хотя такое кино я действительно видела. На женском фестивале под Парижем. Причем сначала я была настроена очень скептически, мне казалось: зачем нужно это разделение? Но потом поняла: да, это специфическое "женское" кино. И совсем не такое, каким его представляют даже многие женщины, не говоря уже о мужчинах. Обычно думают - это что-то такое дамское, сентиментальное и слюнявое. Наоборот! Оно ультраиничное. Такое злое кино мужчинам и не снилось. После этого все остальные фестивали кажутся сплавными и романтично-традиционными. В этом весь феминизм. Он строится от противоположного: "Думаете, мы такие? А мы вот какие!"

- А вы?

- Я считаю: можешь сделать что-то - делай. А добиваться каких-то там прав, отстаивать коллективные идеалы - скучно. Я не люблю борьбу. Ни в каких ее видах.

- И даже за собственные фильмы?

- Я могла бороться за то, чтоб готовый фильм не резали. Не показывайте его, пусть лежит - только не надо портить!

- Кажется, Феллини говорил: "Завтра в газетах напишут, о чем мой фильм!" А вы сами всегда знаете, про что картина?

- Я знаю, но это и есть мой фильм. Можно еще совсем коротко определить, - в названии. А если короче, чем картина, но длиннее, чем название - это уже какой-то суррогат. Вообще я не верю, чтобы сказанное могло как-то изменить судьбу фильма. Это не то, что можно объяснять словами, - в противном случае я стала бы писателем.